

Е. Н. Шайхутдинова
К вопросу об изучении королевской сакральности
в англо-американской исторической науке
в 50-е – 70-е годы XX в.

Образ монарха ассоциируется с ореолом святости, который возвышает его над остальными, придает ему безусловный авторитет и априорно определяет его особенный статус в обществе. Оформление этого образа и установление новых форм социального взаимодействия в первую очередь совершались в процессе коронации престолопреемника. Эпоха Средневековья – период примата веры и сакральных представлений – способствовала, по большому счету, созданию той интерпретации королевской власти и персоны правителя, которая имеет широкое распространение в настоящее время. Именно на том историческом отрезке соединились римские (языческие), христианские, светские нормы. Будучи спроецированными на особенность восприятия мира средневековым человеком, эти нормы способствовали оформлению особенного авторитета – авторитета монарха, наделенного властью свыше, а не только по праву земному. Король – носитель божьей справедливости – итог совокупной деятельности церкви и государства.

Проблема королевского коронационного ритуала была актуальна для зарубежных исследователей всегда. В том числе английские и американские авторы широко использовали и используют данную тему в качестве объекта изучения. Всплеск интереса к данной проблематике отмечается в 50-е – 70-е годы XX в. Именно в этот период в американской науке формируется историческая школа Эрнста Канторовича по изучению королевской власти, которая нашла своих последователей в дальнейшем. Вальтер Ульман заложил новое течение в британской медиевистике. Ориентируясь на архивные материалы, зафиксировавшие церемонии, историки рассуждают о роли и месте коронационного ритуала в целом и его составляющих в репрезентации власти средневековых правителей. Важно отметить, что именно в этот период проблема формирования сакрального образа правителя стали интересной и для антропологов. Замечательны в этом контексте работы Клиффорда Гирца.

Целью данной статьи является выявление основных тенденций в исследовании королевских ритуалов англо-американскими учеными в 50-е – 70-е годы XX в., выделение общего и особенного в их оценке значимости ритуала в формировании сакрального образа правителя.

Начать, на наш взгляд, следует с классика изучения королевской сакральности Эрнста Канторовича. Э. Канторович оказал существенное влияние на современную традицию изучения сущности ритуальной символики государственной власти периода Средневековья и раннего Нового времени. В своей работе «Два Тела Короля» («The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology») ¹, а также

Шайхутдинова Елена Нурғалиевна, соискатель Кемеровского государственного университета. Эл. почта: chydo.86@mail.ru

¹ Kantorowicz E. The king's two bodies. A study in medieval political theology. Princeton, 1957.

более ранних исследованиях, Э. Канторович систематизирует и выявляет очевидное взаимодействие ритуала, символики, политики и закона. По его наблюдениям оно зародилось еще в раннее Средневековье и успешно просуществовало до XVII в. В конечном счете, Э. Канторович создает интегрированную модель власти, которая включает в себя совокупную историю традиций Византии и Западного мира.

По оценке Э. Канторовича, особенности средневековой королевской власти проистекали из византийской, римской и христианской традиций. Римская империя явилась источником идеи абсолюта императорской воли. Однако, как утверждает Э. Канторович, основывалась она для людей не на римском праве, а на естественных законах и традициях¹. Римляне безукоснительно подчинялись носителю власти, несмотря на то, был ли он плохим или хорошим человеком. Христианская традиция проявилась со времени правления Константина Великого, который стал выразителем Бога на земле. С данного момента противостоять императору стало не только преступлением, но и грехом². В свою очередь, христианские основы имели ветхозаветное происхождение. Они проистекали из священной истории, из сказания о помазании на царство царя Саула пророком Самуилом. Тот по воле Бога был избран и помазан на царство. Однако суровый нрав и нестабильное поведение вынудили Самуила тайно сделать помазанныком божьим юного Давида. Давид, несмотря на все ухищрения и метания своего царя, не противился власти Саула и подчинялся ему. Такое непротивление стало для средневекового человека ярким примером смирения и покорности перед носителем божьей власти, то есть королем. Оно сделало монарха священным, а любое неповиновение его воле противоестественным³.

Сила Священного Писания была крайне велика в период Средневековья. Однако историк не оставляет без внимания тот факт, что первые короли, которые переживали переходный этап от варварства к христианству, не всегда соответствовали канону. Их воинственность и жестокость, являвшиеся неотъемлемыми составляющими вождей-полководцев, будущих королей, не соотносились полностью с учением апостола Петра о смирности монарха. Подобной данности нельзя было избежать в силу сложившейся в варварских обществах традиции. Даже Карл Великий, прежде всего, снискал уважение своих подданных как успешный предводитель войска и завоеватель⁴. Вторая половина VIII в. стала переломной для традиционных варварских обществ: христианская вера стала утверждаться в Западной Европе. Обряд миропомазания при коронации правителя стал неотъемлемой составляющей процедуры восхождения на престол. По замечанию Э. Канторовича, этот обряд символизировал акт избрания монарха на царство, выбор правителя по индивидуальным династическим и харизматическим достоинствам. Процесс помазания выделял короля из множества и одновременно

¹ *Kantorowicz E. Ernst Laudes Regiae A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship. University of California press. Berkeley and Los Angeles. 1946. P. 105.*

² *Ibid. P. 65*

³ *Kantorowicz E. The king's two bodies. A study in medieval political theology. P. 75.*

⁴ *Ibid. P. 106.*

подключал его к миру сверхъестественного. В основе помазания лежал ритуальный символизм, характерный для всей системы отношений раннего Средневековья¹.

С развитием исторического процесса, по замечанию исследователя, происходит трансформация от исключительно сакрального восприятия персоны монарха к юридическому обоснованию прав престолопреемника на трон. Что было вполне закономерным процессом, по нашему мнению. Ориентация только на священный статус, в который возводился государь, утратила свой априорный статус. С усилением авторитета династий и с увеличением количества претендентов на корону необходимым стало введение в сферу практического применения юридических норм, подтверждающих право представителя конкретной династии управлять государством. К тому же историк отмечал тенденцию переключения внимания от религиозных ценностей в формировании авторитета короля к традициям римского права². Как отмечает Э. Канторович, в XIV в., королевский дом Капетингов начал колебаться, и династия Валуа была поднята на трон, драма перемен правящей королевской семьи достигла статуса общественного права, имеющего отношение к престолонаследию. Главная задача новой появляющейся конституционной системы состояла в том, чтобы полностью обосновать наследственное право династии Валуа иметь доступ к французской короне. Эти изменения должны были поощрить представительные модели государственного управления. Изображение суверена как воплощение обоих качеств «Величия и Достоинства»³ – одна из наиболее поразительных особенностей характеристики позднесредневековых королей и во Франции, и в Англии.

Говоря о значении ритуала в оформлении сакральности, Э. Канторович сосредотачивается на том, что его мистическое начало, происходящее из раннего Средневековья, постепенно приняло уровень буквы закона. Изначально основы традиции были заложены в римском праве, затем нормы проведения ритуала и порядок «обожествления» монарха прописывались в коронационных литургиях, финальным аккордом стала фиксация особенного статуса монарха на высшем государственном уровне. Именно для юридической и политической культуры Англии и Франции, по замечанию Э. Канторовича, особенно характерны данные подходы к оформлению сакрального образа правителя. Таким образом, создавалось так называемое «юридическое тело» короля, основывавшееся на особом «достоинстве», которое не имело отношения к конкретному человеку, но служило своеобразной характеристикой монарха в принципе. «Физическое тело короля» умирало с кончиной человека, а «юридическое тело» оставалось в истории страны и в памяти людей. Именно оно в большей степени и выступало в качестве сакрализируемого. Затронув данные вопросы в своем исследовании, Э. Канторович заложил основы научной школы в американской медиевистике, ориентирующейся на изучение королевской власти и аспектов, формирующих ее сакральный характер.

В. Ульман еще один исследователь, обративший внимание на коронацию как источник королевской сакральности. Рассматриваемый нами автор в своих исследованиях стремился

¹ *Kantorowicz E.* The king's two bodies. A study in medieval political theology. P. 93.

² *Ibid.* P. 458.

³ *Ibid.* P. 356.

найти истоки коронационного ритуала. Он пытался объяснить его значимость и масштабность для средневекового восприятия. Безусловно, придавая огромное значение факту непрерываемого авторитета церкви, а, следовательно, и христианской идеологии, В. Ульман обращается к «первоисточнику», то есть к Священному Писанию, а так же к хроникам и трудам средневековых авторов, которые в той или иной степени располагали информацией о «презентации» власти от Бога к человеку. В. Ульман рассуждает о «перерождении» короля в процессе коронации. Помазание священным елеем служило очевидной демонстрацией надления земного человека качественно иными характеристиками и свойствами. Свои доводы историк выстраивает, ссылаясь на Ветхий Завет, в котором указывалось, что «Господь дает помазаннику другое сердце»¹. К этой цитате он добавляет слова, произнесенные при коронации Людовика I в 816 г. о том, что «...в коронуемом они видят второго Давида»². Подобная формулировка, по мнению автора, наиболее ярко иллюстрирует убежденность и окружения короля, и его самого в трансформации коронуемого в качественно новое состояние: носителя божьей власти. Вознесение еля над головой будущего монарха производило невероятный эффект на окружающих и уже не существовало никаких сомнений в силе и могуществе правителя. Именно тот факт, что традиция миропомазания взяла свое начало из ветхозаветных времен, рассуждает автор, делала процесс коронации безусловным знаком надления короля высшей властью.

Обращение историка к Ветхому Завету и стремление трактовать события согласно высокой религиозности средневекового общества заставляют отметить повышенный интерес исследователя к посреднической роли священников «между Богом и королем»³. Подобная точка зрения формируется у автора под влиянием работы с многочисленными источниками, повествующими о коронациях первых франкских королей. Так, рассуждая о коронации все того же Людовика I в 816 г., В. Ульман отмечает очень интересную деталь: в процессе коронования Людовик принимает из рук папы меч. Меч, символ храбрости и защиты, в данном контексте означал не только качества приемника трона, но его обязанность защищать папу. Данный факт получил «глубоко идеологическое звучание: король получал власть из рук папы»⁴. Несмотря на то, что со временем традиция вручения меча в коронационном процессе утратила свое идеологическое содержание, оставив только символическое насыщение, авторитет папы существовал по-прежнему.

Ключевым объектом исследования для В. Ульмана выступала взаимосвязь церкви и государства. Он акцентирует внимание на проблеме роли церкви в формировании сакрального образа правителя. Центральное место занимает анализ преемственности светской властью церковных традиций возведения в высший духовный сан. Обращаясь к оценке составляющих ритуала коронации, В. Ульман проводил параллели с элементами ритуала литургического, обосновывая их присутствие и значение. Акцент на влияние церкви в процессе сакрализации королевской власти позволил В. Ульману открыть новое направление в английской медиевистике.

¹ Ullman W. The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship. London, 1969. P. 72.

² Ibid. P. 73.

³ Ullman W. A History of Political Thought: The Middle Ages. Australia, Victoria, 1970. P. 75.

⁴ Ibid. P. 75.

Для антрополога К. Гирца¹ вопрос сакрализации власти также является актуальным. В силу заинтересованности проблемами роли и статуса правителя в обществе и общественным восприятием его персоны. Для К. Гирца основными движущими силами общественного устройства выступали два источника: харизма и власть, которые сочетались в правителе. Именно для стабилизации общества и упрочения власти государя, по мнению К. Гирца, на протяжении истории всего Средневековья и раннего Нового времени религия как одна из основ культуры и жизни общества играла свою наиважнейшую роль. Религия обеспечивала объединение священного и светского в ритуале, оформляя тем самым сакрализацию правителя и создавая его обожествленный образ в глазах подданных.

Доказательства, подтверждающие наблюдения К. Гирца, отмечаются на протяжении всей эпохи Средневековья, когда и король, и официальные представители церкви начали формировать специальные комментарии относительно церковной литургии, которые способствовали жизнеспособности «политического богословия», утвержденного в ритуале и создании святости. Записи литургий, которые производились блюстителями канона, а позже королевскими публицистами способствовали торжественному признанию короля, делали его появление праздником для народа. Данная реакция была обусловлена тем, что общество проводило между априорной величием короля с одной стороны и тем, что тело короля достойно быть наделенным королевскими регалиями и знаками отличия духовной власти ввиду его харизматичности и достоинства.

Для усиления эффекта значимости ритуала, как способа наделения монарха священной властью, коронуемый сравнивался с библейскими царями, первыми прошедшими церемонию помазания на престол. Подобным образом служители религиозного культа «заостряли внимание подданных на священном характере власти взшедшего на трон правителя, его достоинстве и праве управлять государством, вселяя в народные массы веру в сильного и всемогущего правителя. Тем самым церковнослужители добивались двойной цели: с одной стороны, оформлялся благородный сакральный образ короля, а с другой стороны – церковь укрепляла веру в людях, преумножая число истинно верующих.

К. Гирц, рассуждая о смысловых нагрузках ритуалов, сакрализировавших короля, а также роли и месте культуры и религии в этих процессах, определяет их особое значение в оформлении сакрального образа правителя. Мировоззрение средневекового человека, помноженное на роль и авторитет культа, в сочетании с верой в силу и могущество правителя создавали тот самый священный образ короля, который и в современной культуре имеет прочное положение и, в первую очередь, возникает в ассоциативном ряду при упоминании понятия «королевская власть».

Период 1950-х – 1970-х годов демонстрировал подъем интереса исследователей к королевской власти с точки зрения ее ментальной составляющей. Символизм власти, ее семиотическое насыщение выходили на первый план. Взаимосвязь светского и духовного в формировании священного образа монарха определяют интересы авторов в историческом исследовании. Политический функционал правителя в данном контексте уходил на вторые позиции – определяющей становилась знаковая система власти и путей ее утверждения в общественном

¹ Geertz C. The Interpretations of Cultures. N. Y., 1973.

восприятию. Культ, имевший колоссальное воздействие на сознание людей, позволял создавать священный ореол вокруг короля, наделять его сверхъестественными качествами и, в конце концов, определять его как правителя избранного Богом.

Однако существуют специфические черты, которые отмечает каждый из исследователей. Для Э. Канторовича центральное место занимает фиксация ритуала в хрониках торжественных процессий и в специальных литургиях, оформление юридической основы священного статуса монарха. Историк акцентирует внимание на эволюции способов формирования сакральности. От мистических, основанных на символике действия, до официальных юридических. Рассуждая об этой эволюции, автор углублялся в историю ритуала коронации как такового и значимости его элементов. Таким образом, он закладывал основу для дальнейших научных изысканий своих последователей и учеников. В. Ульману принципиально важно взаимодействие церкви и государства. Он фокусировался на масштабе влияния литургической составляющей на ритуал коронации в целом. Его задача заключалась в выяснении того, насколько актуальны элементы священного ритуала возведения в сан епископа в церемонии коронования светского правителя. Именно взаимопроникновение священного в светское определяют область интересов исследователя. Антропологический интерес К. Гирца представлял собой анализ культурной структуры средневекового общества и влияния религии, как одного из основных пластов этой структуры, на формирование мировоззрения человека той эпохи. Автор определял, каким образом христианская идеология, интерпретируемая церковью, может формировать сакральный образ короля, накладываясь на харизматичность правителя. Харизма – индивидуальные качества правителя, выделяющие его из массы. Религиозный культ накладывал на них священный оттенок путем вовлечения государя в таинство. Таким образом, в общественном сознании светское переплетается с духовным и король приобретает качественно новый уровень и в социальном, и в символическом смыслах.

В итоге, мы можем отметить, что при заинтересованности в изучении королевского ритуала каждый ученый видит в проблеме важные для себя моменты и пытается доказать их значимость и важность. Отмечая свои уникальные подходы, исследователи тем самым дают толчок к дальнейшей работе в этом направлении и закладывают основу для научных концепций и направлений.